

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.014-023

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА И НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Лапаева Валентина Викторовна,
главный научный сотрудник сектора философии права, истории
и теории государства и права Института государства и права
Российской академии наук, доктор юридических наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
lapaeva07@mail.ru

© Лапаева В. В., 2026

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования отечественной судебной доктрины и основанной на ней концепции конституционной идентичности России. Инициатором исследования данной тематики в отечественной теории права стал Конституционный Суд РФ, включивший соответствующее понятие в одно из постановлений. При этом, как отмечает Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, важным импульсом для обращения к этой проблеме стали некоторые решения Европейского Суда по правам человека. В статье рассмотрено одно из таких решений, в котором, по мнению автора, особенно отчетливо высветилась уязвимость правовой позиции России как государства-ответчика, обусловленная неразработанностью судебной доктрины и научной концепции конституционной идентичности страны, а также недооценкой достижений отечественной философии права как научно-теоретической основы судебного толкования. Отдельное внимание уделено анализу аргументативного потенциала либертарно-юридического типа правопонимания, использование которого могло бы усилить правовую позицию России в данном споре, компенсировав отсутствие на тот момент надлежащей разработки проблематики национальной конституционной идентичности. Автор делает вывод о недостаточной нацеленности нашей теории права на своевременное выявление и теоретическое осмысление актуальных проблем правовой (в данном случае — конституционно-правовой) практики и о недооценке потенциала философии права как важного познавательного инструмента осмысления современных реалий и решения новых, нестандартных правовых проблем.

Ключевые слова: государство; право; теория права; философия права; либертарно-юридический тип правопонимания; конституционная идентичность; конституционный суд; правопонимание; судебная доктрина; концепция конституционной идентичности России

JUDICIAL DOCTRINE AND THE SCHOLARLY CONCEPT OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL IDENTITY: A HISTORICAL OVERVIEW

Valentina V. Lapaeva,

Dr. Sci. (Law), Chief Research Fellow, Sector of Philosophy of Law and History
and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

lapaeva07@mail.ru

Abstract. *The paper examines the history of the formation of the domestic judicial doctrine and the concept of Russia's constitutional identity developed on its basis. The author draws attention to the fact that the initiator of this issue within Russian legal theory was the Constitutional Court of the Russian Federation, which introduced the relevant concept in one of its rulings. As noted in his publications by the Chairman of the Constitutional Court, V.D. Zorkin, an important impetus for addressing this problem was provided by certain judgments of the European Court of Human Rights. The paper analyzes the judgment where, in the author's view, the vulnerability of Russia's legal position as the respondent state became particularly apparent. This vulnerability was preconditioned by the underdevelopment of both the judicial doctrine and the scholarly concept of the country's constitutional identity, as well as the underestimation of the achievements of Russian philosophy of law as a theoretical foundation for judicial interpretation. Special attention is devoted to the analysis of the argumentative potential of the libertarian-legal type of legal understanding, the application of which could have strengthened Russia's legal position in the dispute by compensating for the insufficient development at that time of the issue of national constitutional identity. The analysis conducted leads the author to conclude that Russian legal theory has been insufficiently oriented toward the timely identification and theoretical reflection of pressing issues in contemporary legal practice (in this case, constitutional jurisprudence), and that it has underestimated the potential of the philosophy of law as an important cognitive instrument for understanding modern realities and resolving new and non-standard legal problems.*

Keywords: *state; law; legal theory; philosophy of law; libertarian-legal type of legal understanding; constitutional identity; Constitutional Court; legal understanding; judicial doctrine; concept of Russia's constitutional identity*

Выходом из Совета Европы Россия перевернула очередную страницу своей правовой истории. Это повлекло в первую очередь денонсацию Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Меж тем по оценке Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, не стоит забывать о том, что участие в Конвенции «оказало определенное положительное влияние на развитие отечественной системы защиты прав человека». Правовой опыт, подчеркнул он, «следует анализировать и рационально использовать»¹. Опыт ЕСПЧ важен не только в практическом отношении, касающемся непосредственно правотворческой и правоприменительной деятельности: он представляет несомненный интерес и с точки зрения правовой теории. Особое его значение приобретет в контексте анализа тех решений ЕСПЧ против России, где позиция нашей страны не получила должного теоретико-правового и философско-правового обоснования.

Целесообразно рассмотреть весьма спорное решение ЕСПЧ, которое интересно тем, что оно достаточно ярко высветило уязвимость правовой позиции России как

¹ Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени: тезисы доклада на X съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (дата обращения: 30.01.2026).

государства-ответчика, обусловленную неразработанностью судебной доктрины и научной концепции конституционной идентичности страны и недооценкой значения типа правопонимания как философско-правовой основы толкования нормативных текстов. Речь идет о деле «К. Маркин против России», фактическая сторона которого сводится к следующему. К. А. Маркин — офицер, проходивший военную службу по контракту, после рождения третьего ребенка обратился к командованию с просьбой о предоставлении ему трехгодичного отпуска по уходу за ребенком наравне с женщинами-военнослужащими на том основании, что они с женой расторгли брак и достигли соглашения о проживании детей с отцом. После отказа в предоставлении такого отпуска и безуспешной попытки опротестовать его в гарнизонном и окружном военных судах он подал жалобы в Конституционный Суд РФ и в ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ принял отказное определение по данному делу, а ЕСПЧ коммуницировал жалобу уже через три месяца после ее получения. Вскоре после этого командование воинской части предоставило К. А. Маркину отпуск сроком около двух лет (по достижении ребенком трехлетнего возраста). А в 2010 г. ЕСПЧ, рассмотрев дело на заседании первой Секции, вынес решение, согласно которому в отношении заявителя имело место неправомерное вмешательство со стороны публичных властей в осуществление право на уважение его личной и семейной жизни (нарушение ст. 8 Конвенции) в совокупности с дискриминацией по признаку пола (нарушение ст. 14). ЕСПЧ предписал России принять меры по внесению изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и иное соответствующее законодательство, чтобы закончить с «дискриминацией в отношении военнослужащих мужского пола в том, что касается их права на отпуск по уходу за ребенком»². В ответ российская сторона выступила с обращением о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату ЕСПЧ. Это обращение было удовлетворено и в 2012 г. Большая Палата вынесла решение, в котором подтвердила наличие дискриминации К. А. Маркина по признаку пола, присудила истцу небольшую материальную компенсацию, однако сняла предписание о внесении изменений в российское законодательство.

Инициатором постановки проблематики конституционной идентичности в отечественной теории права стал Конституционный Суд РФ. Как отмечает в своих публикациях Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, именно дело К. А. Маркина побудило судей обратиться к анализу накопленного к тому времени опыта ряда европейских государств по разработке национальных судебных доктрин и научных концепций конституционной идентичности³. К сожалению, это далеко не первый случай в новейшей правовой истории страны, когда наиболее актуальные и практически значимые проблемы правовой теории не привлекали внимания юридической науки без импульса со стороны Конституционного Суда РФ.

Правда, первое упоминание о конституционной идентичности России в постановлении Конституционного Суда РФ было связано с реакцией представителей российских органов государственной власти на решение ЕСПЧ по другому делу, касающемуся запрета активного избирательного права лиц, находящихся в местах лишения свободы⁴. Отвечая на мотивированный этим делом запрос со стороны депутатов Государственной Думы РФ, в 2015 г. Конституционный Суд РФ ввел в постановление понятие конституционной идентичности как соответствия «внутригосударственным нормам о фундаментальных правах, а также гарантирующих эти

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (Жалоба № 30078/06) // СПС «Гарант».

³ Зорькин В. Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 13.

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) // СПС «Гарант».

права норм об основах конституционного строя»⁵. Однако именно дело К. А. Маркина заставило судей этой высшей судебной инстанции нашей страны (а вслед за ними и представителей научного юридического сообщества) всерьез задуматься о соотношении юридической силы Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод в контексте проблематики конституционной идентичности.

Сегодня целый ряд работ посвящен смысловому наполнению термина «конституционная идентичность»⁶, анализируются внутриправовая и внешнеправовая функции судебной доктрины конституционной идентичности⁷, рассматриваются причины и условия возникновения, а также направления развития соответствующего дискурса в российском праве, дается его общая характеристика и анализ методологического значения разработки проблематики конституционной идентичности для поиска новых подходов к согласованию национального и международного права⁸, раскрываются правовые основания включения принципа уважения национальной идентичности государств-членов в учредительных актах ЕС⁹, анализируются различные интерпретации конституционной идентичности в праве государств — членов ЕС¹⁰, описывается зарубежный опыт формирования судебных доктрин конституционной идентичности и дается сравнительно-правовой анализ в фокусе проблематики конституционной идентичности интеграционных процессов на европейском пространстве и в рамках ЕАЭС¹¹.

При всем значении разработки указанных конституционно-правовых аспектов данной проблематики в настоящее время на первый план выходят иные ее грани, связанные с более общим понятием цивилизационной идентичности России, о чем свидетельствует, в частности, включение в 2023 г. понятия государства-цивилизации в национальную Концепцию внешней политики¹². Закрепление данного понятия в программно-стратегическом документе, ориентированном на внешний контур, предполагает, что концепция цивилизационной идентичности России должна не только отражать ее национальную специфику, но и придавать этой специфике общезначимый, т.е. правовой (основанный на правовом принципе формального равенства), характер, который только и может иметь общечеловеческое значение в системе глобальных отношений в силу его непосредственной связанности с природой человека как разумного существа, обладающего свободой воли. Отсюда следует новое предназначение разработки научной проблематики конституционной идентичности, которая в современных условиях должна составить правовую

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”...» // СПС «Гарант».

⁶ См.: *Аничкин Е. С., Ряховская Т. И.* «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.

⁷ *Шустров Д. Г.* Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2020. № 4. С. 28.

⁸ См.: *Грачева С. А.* Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 52–64.

⁹ См.: *Васильева Т. А.* Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 9–12.

¹⁰ См.: *Васильева Т. А.* Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 32–54.

¹¹ См.: *Блохин П. Д.* Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 62–81.

¹² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «Гарант».

основу более общей концепции России как государства-цивилизации. Ее формирование — актуальная задача отечественной теории права, имеющая существенную философско-правовую составляющую, которая связана с учетом цивилизационных особенностей страны при определении правовых ориентиров ее развития в сложных реалиях XXI в. Разработка такой концепции российской цивилизационной идентичности невозможна в отрыве от правотворческой и правоприменительной работы по наполнению правовым смыслом этих ориентиров, раскрывающему содержанию конституционно-правовых норм, характеризующих Россию как демократическое федеративное правовое и социальное государство, в контексте и с учетом новых социально-правовых реалий.

Одно из наиболее интересных, значимых и явно недооцененных направлений возможного влияния дела К. А. Маркина на развитие отечественной теории права связано анализом того, на каком типе правопонимания основывалась позиция судей ЕСПЧ и какие недоработки в сфере правопонимания затруднили российской стороне выработку более убедительной правовой позиции. Далее мы рассмотрим этот правовой спор с точки зрения либертарно-юридического типа правопонимания, для которого право — нормативное выражение сущностного принципа формального равенства как триединства равной меры, свободы и справедливости¹³, и попытаемся показать, что опора на данную научную парадигму позволила бы российской стороне выстроить более доказательную правовую аргументацию.

Прежде всего надо отметить тот факт, что почти никто из отечественных юристов не оспаривал наличие в деле К. А. Маркина гендерной дискриминации. Для приверженцев упрощенного варианта легистской версии юридического позитивизма было вполне достаточным факта текстуальных расхождений между ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенции), где говорится о запрете «какой бы то ни было дискриминации по признаку пола», и нормами Федерального закона «О статусе военнослужащих», закрепляющего различия между мужчинами и женщинами в вопросе об отпуске по уходу за ребенком. Сторонников социологического варианта юридического позитивизма устраивал принцип европейского консенсуса как формы социальной легитимации сложившейся практики, к которому апеллировал ЕСПЧ. А остальные юристы, заинтересовавшиеся этим делом, подпадали под идейное влияние ценностных установок морального характера, которые Европейский Суд сформулировал так:

- «Достижение равенства полов является сегодня одной из основных целей в государствах — членах Совета Европы» (§ 47 постановления первой Секции ЕСПЧ);
- «Конвенция не останавливается у ворот армейских казарм» (§ 136 постановления Большой Палаты ЕСПЧ).

Что же касается судей Страсбургского суда, то решения по делу К. А. Маркина они основывали на принципе европейского консенсуса, достигнутого в конечном итоге по двум указанным выше идейным установкам. Правда, судьи признавали, что Конвенция допускает возможность различий в отношении отпуска по уходу за ребенком, если предоставление мужчинам отпуска наравне с женщинами создаст «реальную угрозу боеспособности вооруженных сил»¹⁴. При наличии такой угрозы соответствующее различие по гендерному признаку в обращении с военнослужащими не может быть признано дискриминацией по смыслу ст. 14 Конвенции. Однако поскольку российская сторона, как отмечено в обоих постановлениях ЕСПЧ по данному делу, не предоставила убедительных аргументов (экспертных заключений, результатов социологических и статистических исследований, обосновывающих возможность реальной угрозы боеспособности армии), постольку Суд сделал вывод о наличии дискриминации при предоставлении военнослужащим отпуска по уходу за ребенком.

¹³ См.: *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

¹⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (Жалоба № 30078/06) // СПС «Гарант».

Более того, в своем первом постановлении по данному делу ЕСПЧ даже указал на необходимость внести соответствующие изменения в российское законодательство.

Понимая, что ссылок на необоснованность позиции стороны-ответчика по единичной жалобе явно недостаточно для вывода о необходимости принятия Россией мер общего характера (такого рода предписания ЕСПЧ обычно делает в рамках пилотных постановлений при наличии хотя бы нескольких подобных жалоб), в своем первом решении по данному делу судьи попытались усилить эти аргументы наличием европейского консенсуса уже прочно вошедший в практику ЕСПЧ, а также сравнительно-правовое исследование законодательства государств — участников Конвенции. Однако это исследование никак не подтверждало занятую ЕСПЧ правовую позицию: согласно его результатам, в шести государствах отпуск по уходу за ребенком предоставляется лишь женщинам-военнослужащим, а еще в трех государствах мужчины-военнослужащие могли получить такой отпуск лишь в исключительных случаях. При этом во всех государствах отпуск был значительно менее трех лет. Ввиду явного отсутствия консенсуса по данному вопросу ЕСПЧ и сделал главный акцент на наличии консенсуса в предоставлении равного отпуска по уходу за ребенком для родителей обоого пола, отметив, что такой равный отпуск предусмотрен в «законодательстве абсолютного большинства европейских государств». Таким образом, ЕСПЧ подменил предмет спора и в своем первом постановлении принял решение, исходя из наличия консенсуса по поводу абстрактных положений о гендерном равенстве, добавив к нему в постановлении Большой Палаты не менее абстрактный тезис о том, что «военнослужащие, как и все другие лица под юрисдикцией стран-участниц имеют право на защиту в соответствии с Конвенцией»¹⁵.

В итоге в решениях по делу К. А. Маркина ЕСПЧ, по сути, исходил лишь из принципа европейского консенсуса по поводу ценностных установок, которым придавалось значение своего рода высших моральных императивов. При этом в мотивации судей причудливым образом сплелись два разных типа правопонимания — непозитивистский естественно-правовой подход, основанный на отождествлении права и морали (что выразилось в ориентации на указанные выше ценности), и позитивистский социологический подход к пониманию права, для которого право выражает содержание фактически сложившихся норм поведения, получивших социальную легитимацию и доказавших регулятивную эффективность (что вытекает из признания европейского консенсуса в качестве главного основания для принятия судебного решения). В. Д. Зорькин охарактеризовал этот подход к пониманию права как социологизированную версию юснатурализма¹⁶, которой присущи недостатки каждого из этих двух типов правопонимания. В рассматриваемом деле недостатки, связанные с применением принципа европейского консенсуса, проявились, как мы покажем далее, весьма наглядно.

С теоретической точки зрения принцип европейского консенсуса по поводу моральных ценностей отнюдь не является бесспорным и до сих пор составляет предмет серьезных дискуссий. На одном полюсе этих дискуссий выделяется позиция бывшего судьи Страсбургского суда А. Нусбергер, согласно которой принцип европейского консенсуса, составляющий философскую основу деятельности Суда, способствует восполнению дефицита демократической легитимности судебсого правотворчества, осуществляемого на наднациональном уровне¹⁷. Оппоненты такого подхода, рассматривающие ситуацию с точки правовой демократии с ее ориентацией на защиту прав меньшинств, справедливо отмечают, что сам по себе принцип консенсуса лишь «закрепляет преобладающие в Европе взгляды, не объясняя, почему позиция

¹⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации».

¹⁶ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М. : Норма, Инфра-М, 2016. С. 178–179.

¹⁷ См.: Нусбергер А. Консенсус как элемент аргументации Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 17–22.

большинства в конкретной ситуации не является репрессивной или неправовой»¹⁸, и что при принятии судебного решения следует отдавать приоритет поиску справедливости в контексте всех фактических обстоятельств дела, а не предписывать меньшинству позицию большинства. На наш взгляд, дело К. А. Маркина служит хорошей иллюстрацией правоты данной позиции.

Проанализируем дело К. А. Маркина с точки зрения либертарно-юридического типа правопонимания, ориентированного как раз на такой на поиск справедливого решения в контексте учета всех значимых аспектов реальной ситуации с позиции правового принципа формального равенства, и попытаемся на этой основе хотя бы постфактум усилить аргументацию российской стороны. Оставим без внимания претензии по поводу того, что российская сторона не предоставила результаты экспертных оценок и исследований, подтверждающих наличие угрозы боеспособности вооруженных сил (заметим лишь, что в мирное время подобные оценки и исследования в значительной мере лишены смысла, а в условиях военного времени их проводить уже поздно). Не будем учитывать также и то, что длительность трехгодичного отпуска, предоставляемого российским женщинам по уходу за ребенком, существенно превышает аналогичные отпуска в других странах и что для России это не устаревший «гендерный стереотип», а результат учета всё еще во многом патриархальных установок массового сознания россиян¹⁹. И даже проигнорируем тот факт, что ЕСПЧ в качестве основания для решения сослался на консенсус по вопросу, не относящему к предмету спора: будем считать, что все остальные участники Конвенции достигли не просто консенсуса, но полного согласия в вопросе о том, что боеспособность государства не зависит от наличия и продолжительности отпуска по уходу за ребенком у мужчин, проходящих военную службу по контракту. Рассмотрим лишь предмет спора в деле К. А. Маркина в фокусе либертарно-юридического подхода, т.е. с точки зрения принципа формального равенства как критерия поиска правового решения данного спора.

Прежде всего здесь надо обратить внимание на один важный момент. Если бы ЕСПЧ рассматривал жалобу К. А. Маркина без ссылок на европейский консенсус, то речь шла бы о споре, суть которого выражена формулировкой «Маркин против России» и предметом которого является вопрос о правомерности ограничения права К. А. Маркина как военнослужащего на соответствующий отпуск в сравнении с женщинами-военнослужащими с учетом его конкретной жизненной ситуации. Однако, положив в основание решения европейский консенсус, ЕСПЧ перевел этот спор в плоскость более общих разногласий между Россией и остальными государствами — членами Совета Европы в вопросе об условиях их равной безопасности, которая обеспечивается за счет боеспособности вооруженных сил, рассматриваемой в аспекте взаимосвязи между уровнем боеспособности и возможностью предоставления соответствующего отпуска мужчинам, проходящим военную службу по контракту. А в фокусе такого взгляда на ситуацию высвечиваются два момента, существенные для характеристики фактической стороны дела:

- в споре России противостояли страны, входящие в недружественный военный блок;
- данные страны на тот момент могли бы достичь любого согласия по поводу гендерных, семейных и прочих прав военнослужащих, поскольку их безопасность гарантировалась вооруженными силами США²⁰ как ключевого участника блока НАТО.

¹⁸ *Branda E. Minority Rights between the European Consensus // Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. URL: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (дата обращения: 30.01.2026).*

¹⁹ См.: Щетина Е. Д., Грицких Н. В., Киселев Ю. А. Стереотипы патриархального общества в современном мире // Социология. 2023. № 1. С. 106–117.

²⁰ США — единственная экономически развитая страна, где не приняты законы, гарантирующие оплачиваемый отпуск по беременности и родам. См.: Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest // *The Atlantic*. 2021. 9 November.

Если бы ЕСПЧ выступал как объективный арбитр, он должен был бы в решении учесть отсутствие изначального равенства сторон данного правового спора.

Помимо продемонстрированной в деле К. А. Маркина проблемы ограниченного действия принципа европейского консенсуса (ссылка на который в данном деле была явно не уместна ни с формальной, ни с содержательной точек зрения), в нем хорошо просматривается и иной дефект сложившейся практики наднационального правосудия в сфере защиты прав человека, связанный с ограничением круга субъектов, чьи интересы берутся в расчет при решении того или иного правового спора, а также с недостаточным учетом обстоятельств, влияющих на позицию сторон этого спора. На это обратил внимание, в частности, Председатель Конституционного суда ФРГ Х.-Ю. Папир в контексте нашедшего в свое время дела «Гёргюлю против Германии», которое стало триггером для формирования феномена так называемого «принципиального сопротивления», связанного с нежеланием высших судов государств — членов Совета Европы исполнять решения ЕСПЧ со ссылкой на приоритет внутреннего права или иные препятствия, существующие на уровне внутреннего порядка²¹. Выступая на конференции в Москве, Х.-Ю. Папир отметил, что ЕСПЧ, разрешая двусторонние конфликты между частными лицами и государствами, не всегда учитывает позиции иных заинтересованных лиц, которые не являются участниками процесса, и что в подобных ситуациях задача национального суда заключается в том, чтобы приспособить решение ЕСПЧ к многополюсному правовому отношению и обеспечить максимально взвешенный учет всех интересов.

Исключительно важная идея защиты прав человека в его противостоянии государственной машине не должна входить в противоречие с защитой иных прав человека, актуализированных соответствующим правовым спором. Ведь такое противоречие идет вразрез с правовым принципом формального равенства, получившим закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». В контексте дела К. А. Маркина важно отметить: содержание ст. 17 Конституции РФ, гарантирующей прирожденный и неотчуждаемый характер основных прав и свобод человека, должно толковаться в непосредственной связи с ч. 3 ст. 55, закрепляющей основания и пределы ограничения конституционных прав человека, в том числе и положение о том, что эти права могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в том числе для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Анализ решения ЕСПЧ по делу «К. Маркин против России» позволяет на частном примере достаточно наглядно высветить некоторые существенные и нерешенные до сих пор проблемы современной российской теории права, заслуживающие внимания специалистов. Это недостаточная нацеленность нашей теории права, тяготеющей преимущественно к анализу юридико-догматической проблематики, на своевременное выявление и теоретическое осмысление актуальных проблем современной правовой практики и, недооценка потенциала философии права — важного познавательного инструмента осмысления современных реалий и решения принципиально новых, нестандартных правовых проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 196–201.
2. Блохин П. Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 6. — С. 62–81.

²¹ См.: Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 79–89.

3. Васильева Т. А. Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 6. — С. 9–12.
4. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — № 2. — С. 32–54.
5. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 52–64.
6. Зорькин В. Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. — 2018. — № 12. — С. 5–17.
7. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени: тезисы доклада на X съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (дата обращения: 30.01.2026).
8. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 415 с.
9. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. — 2002. — № 3. — С. 3–15.
10. Нуссбергер А. Консенсус как элемент аргументации Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. — 2013. — № 1. — С. 17–22.
11. Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. — 2018. — № 1. — С. 79–89.
12. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2020. — № 4. — С. 21–49.
13. Щепина Е. Д., Грицких Н. В., Киселев Ю. А. Стереотипы патриархального общества в современном мире // Социология. — 2023. — № 1. — С. 106–117.
14. Branda E. Minority Rights between the European Consensus // Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. — URL: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (дата обращения: 30.01.2026).
15. Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest // The Atlantic. — 2021. — 9 November.

REFERENCES

1. Anichkin ES, Ryakhovskaya TI. «Constitutional identity»: to the question of concretization of the term. *Tomsk State University Bulletin*. 2019;446:196-201. (In Russ.).
2. Blokhin PD. The judicial doctrine of constitutional identity: genesis, problems, prospects. *Comparative Constitutional Review*. 2018;6:62-81. (In Russ.).
3. Vasilyeva TA. The principle of respect for the national identity of EU member states: problems of interpretation. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;6:9-12. (In Russ.).
4. Vasilyeva TA. EU Court and constitutional courts of the member states of the European Union in search of constitutional identity. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;2:32-54. (In Russ.).
5. Gracheva SA. Development of the concept of constitutional identity in connection with the search for approaches to resolving convention-constitutional conflicts and conflicts. *Journal of Russian Law*. 2018;9:52-64. (In Russ.).
6. Zorkin VD. The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society. *State and Law*. 2018;12:5-17. (In Russ.).
7. Zorkin VD. Judicial power before the challenges of the time: theses of the report at the X Congress of Judges (November 29, 2022). Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (Accessed 30.01.2026).

8. Zorkin VD. Civilization of law and development of Russia. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Nersesyants VS. Philosophy of law: libertarian-legal concept. *Voprosy filosofii*. 2002;3:3-15. (In Russ.).
10. Nussberger A. Consensus as an element of the argument of the European Court of Human Rights. *International Justice*. 2013;1:17-22. (In Russ.).
11. Tolstoy VL. «Fundamental resistance» to the decisions of the European Court of Human Rights in the light of critical theory. *International Justice*. 2018;1:79-89. (In Russ.).
12. Shustrov DG. Constitutional identity and amendment of the Constitution. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2020;4(28):21-49. (In Russ.).
13. Shchepina ED, Gritskikh NV, Kiselev SA. Stereotypes of patriarchal society in the modern world. *Sociology*. 2023;1:106-117. (In Russ.).
14. Branda E. Minority Rights between the European Consensuses. Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. Available at: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (Accessed 30.01.2026). (In Russ.).
15. Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest. *The Atlantic*. 9 November 2021.